МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Приобье глазами археологов и этнографов

Материалы и исследования к "Энциклопедии Томской области"

Издательство Томского университета
1999

Ритуальный комплекс эпохи раннего железа в Томском Приобье

Л.М. Плетнева, Ф.И. Мец

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 97.01.00067А

О существовании у племен скифского мира достаточно сложной ритуальной практики, не связанной непосредственно с погребальным обрядом, известно по данным древних авторов, прежде всего Геродота, и касаются они в основном племен, обитавших на территории Северного Причерноморья. После исследования Уляпского комплекса в Прикубанье эти данные Геродота, особенно его описание жертвоприношений скифскому Аресу (IV, 62), получили убедительное подтверждение. Семь курганов у аула Уляп есть основания рассматривать как святилища, оставленные носителями культуры, близкой скифской (Балонов, 1987). Скифским святилищем, расположенным на важном грунтовом шляхе древности, очевидно, был курган 12 группы Рясные Могилы в Донецкой области (Кравец, 1993). Сложные ритуалы, связанные с культом огня, реконструируются на основании данных археологии с привлечением ведических источников у сакских племен Семиречья (Литвинский, 1991). Гораздо меньше данных, касающихся ритуальной практики, не связанной непосредственно с погребальным обрядом, у племен периферии скифского мира. Помимо петроглифов, скопления которых трактуются как своеобразные святилища древности (Дэвлет, 1976), в нашем распоряжении, по существу, лишь материалы тагарского ритуального памятника Кадат IX (Бобров, 1987) и, возможно, Большого Салбыкского кургана, который теперь трактуется как обсерватория (Марсадолов, 1998). В связи с этим актуальность ввода в научный оборот новых материалов подобного рода сомнений не вызывает.

Интересный ритуальный комплекс эпохи раннего железа был зафиксирован Л.М. Плетневой при исследовании курганного могильника XII–XIV вв. у устья р. Малой Киргизки, примерно в 10 км севернее Томска (Плетнева Л.М., 1997). Могильник расположен на возвышенном останце коренной террасы р. Томи (высота от уреза Малой Киргизки – 15–17 м), который имеет плоскую вершину размером около 50×80 м (рис. 1)[1]. В центральной части останца, в межкурганном пространстве, на ограниченной площади (1,3×1,8 м) выявлен комплекс ям и бронзовых предметов (фото 1, 2). В северо-восточной части этой площадки была вырыта яма глубиной около 15 см. Вверху она имела диаметр 30, внизу – 22 см. В нее был помещен бронзовый котел с отломанным поддоном и двумя подковообразными ручками с тремя грибовидными выступами.

[1] Все иллюстрации выполнены художником И.В. Рудковским.

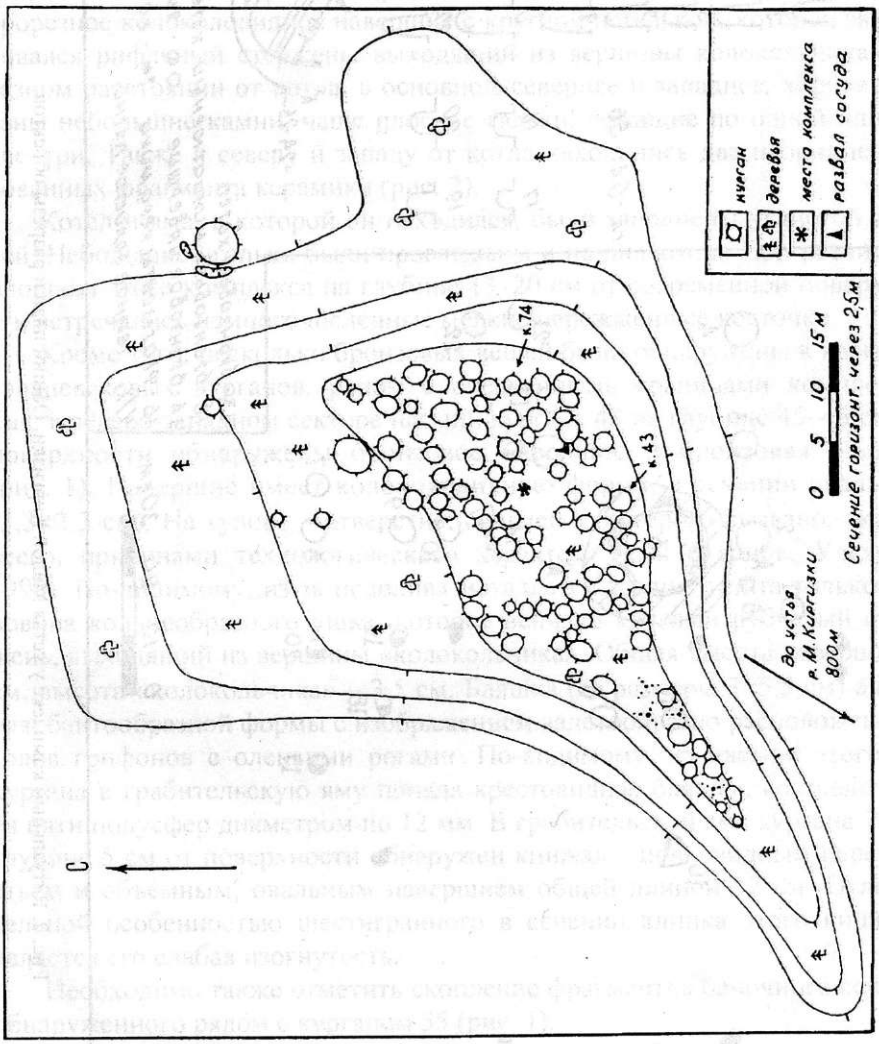

Рис. 1. Местонахождение ритуального комплекса эпохи раннего железа и средневекового курганного могильника у устья Малой Киргизки. Ситуационный план

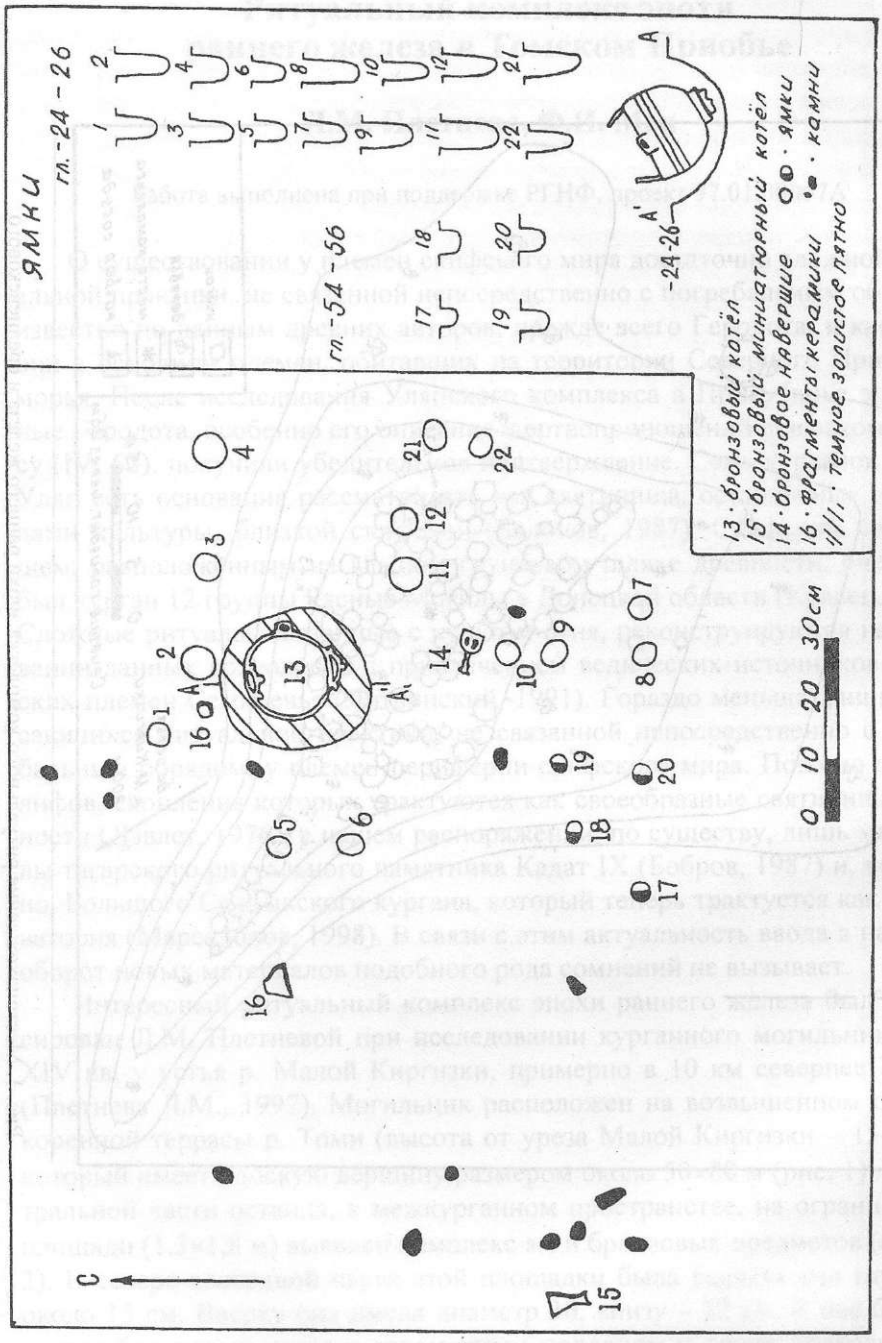

Рис. 2. Ритуальный комплекс у устья Малой Киргизки. Общий план и разрезы объектов

Котел имеет трубчатый носик-слив, который был обращен на восток. Вокруг ямы с котлом зафиксированы 18 ямок небольшого диаметра (до 8 см) и глубины (6–14 см). В разрезе все они вертикальные. Большая их часть была расположена к югу и востоку от котла. В 1,3 м юго-западнее котла лежал миниатюрный сосуд на поддоне (?), в 26 см южнее котла – прорезное колоколовидное навершие с круглой петелькой, которой заканчивался рифленый стержень, выходящий из вершины колокольчика. На разном расстоянии от котла, в основном севернее и западнее, зафиксированы небольшие камни, чаще плоские гальки, лежащие по одной или по две–три. Также к северу и западу от котла находились два неорнаментированных фрагмента керамики (рис. 2).

Котел и яма, в которой он находился, были заполнены углистой землей. Небольшие угольки были прослежены и на дне котла. При расчистке площади этого комплекса на глубине 13–20 см от современной поверхности встречались немногочисленные мелкие пережженные косточки.

Кроме того, несколько бронзовых вещей были обнаружены в насыпях средневековых курганов, рядом с очерченными границами комплекса. Так, в северо-западном секторе насыпи кургана 43 на глубине 45–46 см от поверхности обнаружены бронзовое навершие и бронзовая бляшка (рис. 1). Навершие имеет колоколовидную форму, в сечении овальное (3,3×2,3 см). На тулове – отверстие, появление которого вызвано, скорее всего, причинами технологического характера (см.: Русанов, Ульянов, 1996). По-видимому, из-за недолива металла у изделия отлита только половина кольцеобразного ушка, которое венчало круглый рубчатый стержень, выходящий из вершины «колокольчика». Общая высота навершия 6 см, высота «колокольчика» – 3,5 см. Бляшка (ее размеры 3×5,5 см) ажурная, бантообразной формы с изображением валетообразно расположенных голов грифонов с оленьими рогами. По-видимому, из насыпи этого же кургана в грабительскую яму попала крестовидная бляшка, составленная из пяти полусфер диаметром по 12 мм. В грабительской яме кургана 74 на глубине 5 см от поверхности обнаружен кинжал с почковидным перекрестьем и объемным, овальным навершием общей длиной 32 см. Отличительной особенностью шестигранного в сечении клинка этого кинжала является его слабая изогнутость.

Необходимо также отметить скопление фрагментов баночного сосуда, обнаруженного рядом с курганом 55 (рис. 1).

При исследовании средневекового могильника была вскрыта довольно значительная площадь, и при этом каких-либо предметов, а также культурного слоя или погребений раннего железного века обнаружено не было. Это позволяет с большой долей вероятности предполагать, что бронзовые изделия, керамический сосуд, гальки и столбовые ямы составляли единый комплекс, поврежденный при сооружении средневековых курганов.

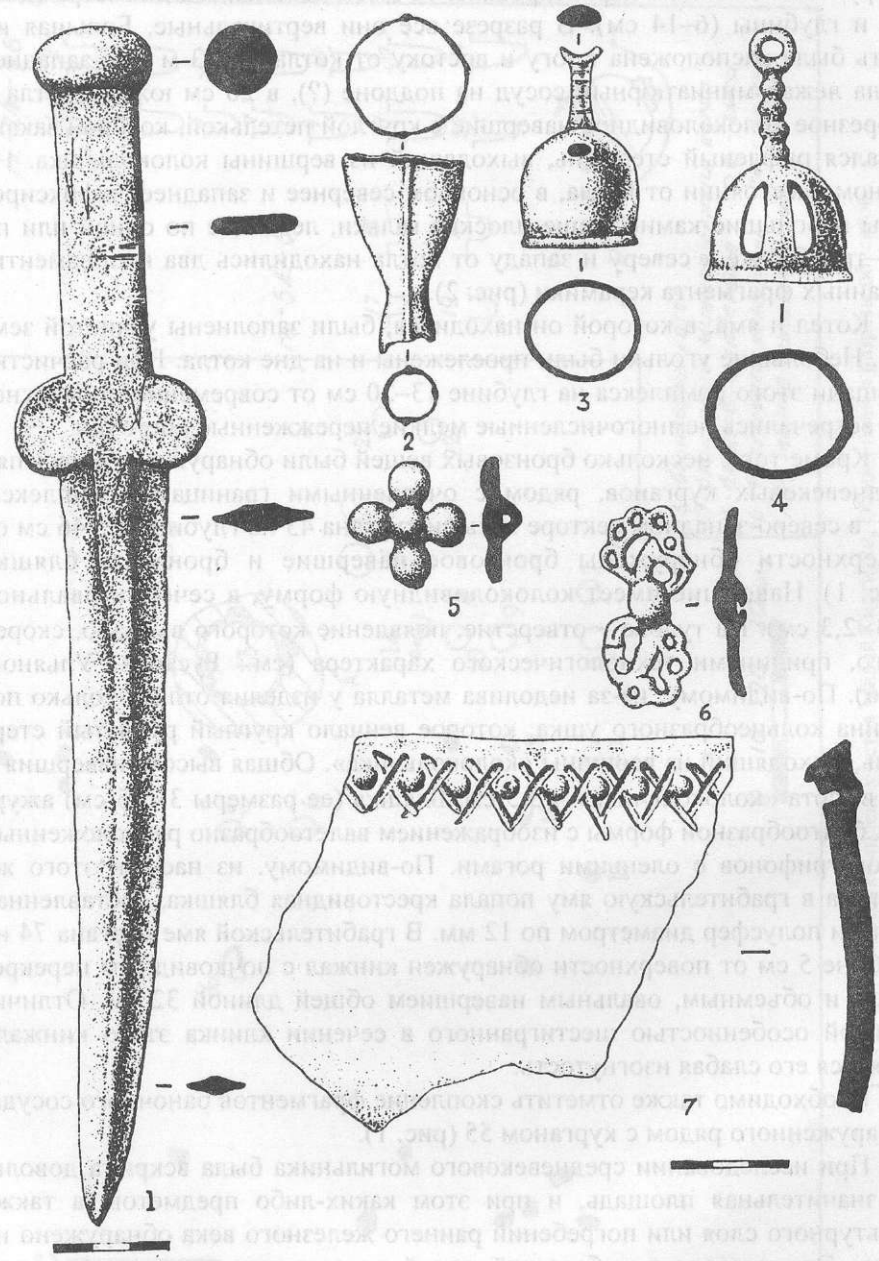

Рис. 3. Ритуальный комплекс у Устья Малой Киргизки.
Бронзовые предметы (*1–6*) и керамика (*7*)

О датировке и культурной принадлежности этого комплекса можно судить прежде всего на основании анализа вещевого материала.

1. Крестовидная бляшка, составленная из пяти полусфер (рис. 3, *5*). Такого рода изделия из бронзы или дерева служили в качестве поясной и ременной гарнитуры, украшения одежды, конской сбруи. В эпоху раннего железа они были чрезвычайно широко распространены практически по всему ареалу скифо-сибирского мира. В последнее время находки их стали известны даже в Нарымском Приобье. Большинство исследователей датируют их V–III вв. до н. э. (См.: Яковлев, 1998, с. 45).

2. Ажурная бантообразная бляшка с изображением голов грифонов, увенчанных оленьими рогами (рис. 3, *6*). Практически полностью тождественная бляшка была обнаружена в составе поясной гарнитуры в могильнике большереченской культуры Почта-3, расположенном в лесостепном Приобье. Комплекс относится к бийскому этапу и датируется VI–V – IV вв. до н. э. (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 89–90, рис. 19–10, табл. LII–45). Бляшка этого типа, правда с нечетко выраженными рогами, известна среди степановских находок близ Томска, где она была датирована V–IV вв. до н. э. (Плетнева Л.М., 1977, с. 77–78, рис. 28, *9*, табл. 20). Создается впечатление, что она была изготовлена на месте и рога оказались недолиты из-за нечеткости формы.

3. Кинжал с почковидным перекрестьем и объемным, овальным в сечении навершием (рис. 3, *1*). По классификации Н.Л. Членовой кинжалы с почковидным перекрестьем датируются V–IV вв. до н. э., а близкие по форме навершия – VII–VI вв. до н. э. (1967, табл. 2). В классификации А.М. Кулемзина близкие по форме кинжалы относятся к 4-му типу и датируются в пределах VI в. до н. э. (1974, рис. 3). Таким образом, кинжал с Усть-Киргизки, очевидно, можно датировать VI–V вв. до н. э. В Скифии почковидная форма перекрестья относится ко времени ранее V в. до н. э. (Алексеев, 1980, с. 43). Очень близкой аналогией этому кинжалу является экземпляр из Джунгарского Алатау (р. Усек). Он имеет такой же формы перекрестье и, что очень важно, изогнутый клинок. Н.Л. Членова датирует его в пределах VII–VI вв. до н. э. (1981, с. 9–11, рис. 4–5). Аналогичную форму клинка и перекрестия имеет и кинжал из Нестеровского могильника VI–IV вв. до н. э. на Северном Кавказе (Абрамова, 1969, с. 10, рис. 1, *15*).

4. Миниатюрный сосуд на поддоне (?) (рис. 3, *2*). Определение в достаточной степени условное, так как прямые аналогии нам не известны. По внешнему виду и размерам он действительно напоминает миниатюрные копии скифских котлов, известных, например, по находкам в Изыхе (Мартынов А.И., 1979, табл. 28, *11*) и в коллекции Иркутского музея (Рыгдылон, Хороших, 1959, рис. 4, *1*). Датируются они таштыкским временем, в пределах II в. до н. э. – II в. н. э. (Рыгдылон, Хороших, 1959, с. 258). Правда, эти миниатюрные сосуды снабжены ручками с тремя выступами. К усть-полуйскому времени относится еще одна такая копия с городища Макар-Висынг-Тур на Сев. Сосьве (Чернецов, 1953, с. 149, табл. IX, *7*). Изредка такие находки встречаются в скифских и сарматских комплексах

IV–II вв. до н. э. (Виноградов, Таиров, 1996, с. 169; Абрамова, Петренко, 1995, с. 40, рис. 3, *6*). В могильнике кулайской культуры Каменный Мыс (Новосибирское Приобье) III–II вв. до н. э. обнаружены бронзовые подвески в виде перевернутых скифских котлов, висящих на длинных рифленых стержнях, таких же как у прорезного навершия с Малой Киргизки (Троицкая, 1979, с. 13, табл. XII, *13, 14*). Аналогичная подвеска, но без ручек, как у скифских котлов, обнаружена в насыпи кургана 5 могильника новочекинской культуры Новочекино 2 и датируется V–IV вв. до н. э. (Полосьмак, 1987, с. 82, рис. 58, *2*). Подвески в виде скифского котла встречены также в комплексе Айдашинской пещеры в Ачинско-Минусинской котловине, где она датирована I в. до н. э. – II в. н. э. (Молодин и др., 1980, с. 46–47, табл. XI, *7*) и в составе Степановских находок в Томском Приобье. Здесь она отнесена к III –I вв. до н. э. (Плетнева Л.М., 1977, с. 80, рис. 29, *1*, табл. 20). Очевидно, изделия типа подвесок в виде котлов или самих миниатюрных котлов существовали в широких хронологических рамках начиная с V в. до н. э. вплоть до таштыкского времени или даже до середины I тыс. н. э. (Грязнов, 1956, с. 124, табл. XLV, *7*).

5. Навершия (рис. 3, *3, 4*). Определение функционального назначения этого рода изделий также неоднозначно. Аналогичный предмет был найден на Старом мусульманском кладбище близ Томска. Одним из авторов он был определен как бронзовый колокольчик (Плетнева Л.М., 1977, с. 28, 41, рис. 22, *2*). Точно такие же рифленые стержни с кольчатым ушком есть у уже упоминавшихся подвесок из кулайского и новочекинского могильников. Близкие по форме «колоколовидные» подвески известны и в культурах скифского времени Саяно-Алтая, где они, вероятно, имели отношение к культу богини-девы (Мачинский, Чугунов, 1999). Подобные изделия вряд ли могли служить колокольчиками, так как они лишены «звучащего элемента». У них не только нет язычков, но и отсутствуют следы его крепления в древности. Вряд ли они использовались в малокиргизском комплексе и как подвески: один экземпляр имеет явный производственный брак – из-за нехватки прибыльного металла у него оказалось недолито ушко. С другой стороны, по размерам и форме «колокола» они достаточно близки навершиям тагарской культуры. Правда, тагарские навершия чаще всего имели скульптурное завершение в виде фигурки оленя или горного барана (Мартынов А.И., 1979, табл. 45), однако, могли и не иметь такового (Мартынов А.И., 1972, с. 99–100, табл. 145). То, что это именно навершия (т.е. они крепились на вертикальных древках), доказывается нахождением их in situ – они венчали вертикальные стойки погребальных лож (Вадецкая, 1975, с. 171–172, рис. 3). Характерны колоколовидные навершия для V–IV вв. до н. э. (Мартынов А.И., 1979, с. 80–81).

6. Котел (рис. 4). Имел форму усеченного сфероида со слегка отогнутым наружу краем венчика. От поддона, утраченного в древности, сохранились только фрагменты в месте его крепления к тулову. Диаметр тулова составляет 21 см, высота – 17 см. Округлые в сечении ручки имеют подковообразную форму. Края их заходят на внешнюю сторону плечиков. На каждой ручке по три грибовидных выступа. В наиболее широкой части

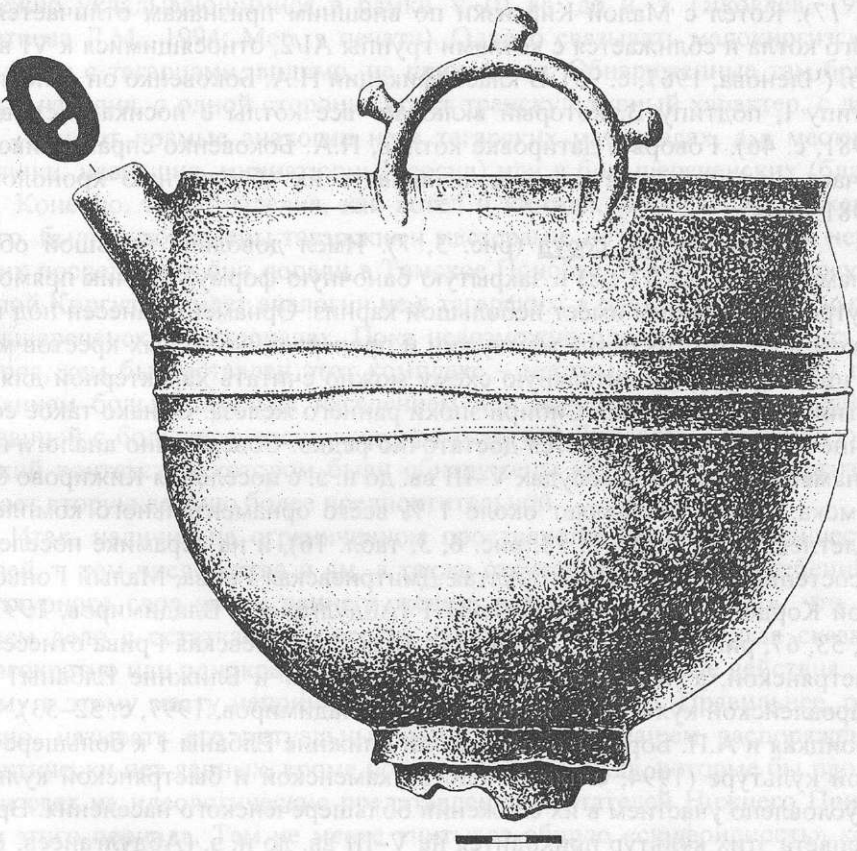

Рис. 4. Ритуальный комплекс у устья Малой Киргизки. Бронзовый котел

тулова имеется орнаментальный пояс, образованный тремя валиками (в одном месте можно различить, что валик образован шнуром, свитым из двух веревочек). Котел снабжен носиком-сливом, который расположен в верхней части тулова и имеет вид овальной в сечении трубочки диаметром 2×3,2 см. В месте крепления трубочки к тулову имеется тонкая, круглая в сечении перемычка, играющая, очевидно, армирующую функцию.

В классификации Н.Л. Членовой котлы с трубчатым носиком-сливом отнесены к типу А/III, представленному 1 экз., обнаруженным в Минусинской котловине и датируемым VIII–VII вв. до н. э. (1967, с. 99–100, табл. 18, *17*). Котел с Малой Киргизки по внешним признакам отличается от этого котла и сближается с котлами группы AI/2, относящимися к VI в. до н. э. (Членова, 1967, с. 95). В классификации Н.А. Боковенко он относится к типу I, подтипу В, который включает все котлы с носиками-сливами (1981, с. 46). Говоря о датировке котлов, Н.А. Боковенко справедливо замечает, что пока еще рано устанавливать их абсолютную хронологию (1981, с. 49).

7. Керамический сосуд (рис. 3, *7*). Имел довольно большой объем (диаметр венчика 37 см) и закрытую баночную форму. Венчик прямой, с внутренней стороны имеет небольшой карниз. Орнамент нанесен под венчиком и состоит из пояса жемчужин и прочерченных косых крестов между ними. Эту орнаментальную схему можно считать характерной для памятников юга Западной Сибири эпохи раннего железа. Однако такое сочетание элементов встречается достаточно редко. Совершенно аналогичный орнамент известен на сосудах V–III вв. до н. э. с поселения Кижирово близ Томска, где он составляет около 1 % всего орнаментального комплекса (Плетнева Л.М., 1977, с. 58, рис. 6, *3*, табл. 16), и на керамике поселений лесостепного и предгорного Алтая Дмитриевская Грива, Малый Гоньбинской Кордон 1 и Ближние Елбаны 1 (Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 52, 53, 67, рис. 7, *3*; 8, *1*; 54, *11*). При этом Дмитриевская Грива отнесена к быстрянской, а Малый Гоньбинский Кордон 1 и Ближние Елбаны1 – к староалейской культурам (Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 52–53). Т.Н. Троицкая и А.П. Бородовский отнесли Ближние Елбаны 1 к большереченской культуре (1994, с. 8–9). Родство каменской и быстрянской культур обусловлено участием в их сложении большереченского населения. Время расцвета этих культур приходится на V–III вв. до н. э. (Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 65, 67). Единичные фрагменты с этим орнаментом известны на территории Кузнецкой котловины: в сборах с поселения Кузнецк-2 (Ширин, 1993, с. 24, рис. 7, *1*) и в находках на поселении Старочервово-IV (Илюшин, Ковалевский, 1999, с. 61, рис. 1, *11*). Отметим также аналогичную орнаментацию (правда, при другой форме сосуда) на керамике памятников богочановского типа в южнотаежном Прииртышье (Данченко, 1996, с. 53–55, рис. 35, *2*).

Таким образом, датированные аналогии вещам малокиргизского комплекса позволяют определить хронологические рамки его функционирования в пределах V–III вв. до н. э. Сложнее определить его культурную

принадлежность. Этно-культурная ситуация в Томском Приобье в V–III вв. до н. э. видится достаточно сложной.

На основании анализа керамического материала одним из авторов (Плетнева Л.М., 1977, 1994а) в Томском Приобье выделена шеломокская (кижировская – по Т.Н. Троицкой, 1978) культура, в которой прослеживается сильное тагарское и большереченское влияние. Можно говорить о проникновении на эту территорию и самого тагарского населения. Это давно высказанное предположение (См.: Мартынов А.И., 1961, с. 297; Могильников, 1964; Членова, 1967) подтверждается новыми материалами, надежно укладывающимися в рамки V–III вв. до н. э. (Яковлев, 1991; Плетнева Л.М., 1994; Мец, в печати). Однако связывать малокиргизский комплекс с тагарцами, видимо, не приходится. Обнаруженные там бронзовые изделия, с одной стороны, носят транскультурный характер, с другой – имеют прямые аналогии не в тагарских материалах, а в местных (бляшки, навершия, миниатюрный сосуд) или в большереченских (бляшки). Конечно, такие изделия, как котел и кинжал, могли и даже, скорее всего, были изготовлены тагарскими мастерами, но трудно сказать, через каких посредников они попали в Томское Приобье. И кроме того, сосуд с Малой Киргизки имеет аналогии не в тагарских, а опять-таки в местных и большереченских материалах. Пока невозможно однозначно ответить на вопрос, кем был оставлен этот комплекс – местным, находившимся под влиянием большереченцев населением или какой-то пришлой группой, связанной с большереченским кругом культур? Думается, что археологический контекст, в котором были обнаружены вещи с Малой Киргизки, делает вторую версию более предпочтительной.

Итак, наличие на ограниченном пространстве большого количества вещей, в том числе котла и ям, а также отсутствие следов погребений и культурного слоя эпохи раннего железа позволяют утверждать, что мы имеем дело с остатками какого-то культового объекта. Нельзя сказать, многократно или однократно проводились здесь ритуальные действия, поэтому к этому месту неприменим термин «святилище». Правильнее, очевидно, называть его ритуальным комплексом. В нашем распоряжении практически нет данных, кроме погребального обряда, которые бы проливали свет на идеологические представления обитателей Нижнего Притомья этого периода. Тем не менее учитывая общую «скифоидность» комплекса, а также то, что у представителей скифо-сибирского мира был целый комплекс близких мировоззренческих черт (трехчленность мира, мировая гора, мировое дерево), рискнем высказать некоторые соображения о характере ритуала (ритуалов?), проводившегося на Малой Киргизке.

Прежде всего, обращает на себя внимание топографическая приуроченность рассматриваемого комплекса. Как уже отмечалось, он расположен на плоской вершине останца коренной террасы Томи. Вряд ли стоит сомневаться, что выбор этого места обусловлен идеей мировой горы. Мировая гора или ее символы, естественные или окультуренные (гора, холм, курган, мегалит, храм и пр.), олицетворяли сверхсакральную точку пространства в центре космоса, у оси мира. По «каналу», утвержденному в

этой точке, осуществлялась «космосвязь» между миром людей и миром богов. Мифические события, в которых действуют боги – организаторы Вселенной, также происходят у мировой горы (Акишев А.К., 1984, с. 22). Именно поэтому известные святилища и жертвенно-культовые места племен скифо-сибирского мира располагаются на возвышенных местах, естественных или искусственных (Балонов, 1987; Кравец, 1993; Акишев А.К., 1984, с. 22). Жертва, принесенная в этой сакральной точке, быстрее достигала небес.

Смысловым центром и наиболее семантически значимым элементом малокиргизского комплекса, очевидно, был котел. То, что в древности, да и в более поздние времена металлические котлы, помимо выполнения утилитарных функций, играли еще и культовую роль, общепризнано. Причем роль эта была многоплановой. С одной стороны, он символизировал единение коллектива, «кормящегося» от него (Плетнева С. А., 1982, с. 22–23), с другой – он также воплощал центр Вселенной, axis mundi (Алексеев, 1991). Именно поэтому котлы – обязательный атрибут в святилищах скифов (Граков, 1968; Кравец, 1993), близких к ним по культуре племен Прикубанья (Балонов, 1987), а также сакских жертвенно-поминальных комплексов (Мартынов Г.С., 1955; Кызласов Л.Р., 1972; Винник и др., 1977). Сходные представления, вероятно, обусловили и нахождение котлов в составе тагарских кладов (Левашева, Рыгдылон, 1952; Нащекин, 1967). По данным Геродота, которые подтверждаются многочисленными археологическими материалами, котлы «скифского» типа использовались для варки мяса. Во время проведения ритуалов это было мясо жертвенных животных. Очевидно, аналогичную роль маркера центра мироздания и вместилища жертвы играл и котел рассматриваемого комплекса. В пользу проведения здесь обряда жертвоприношения говорит факт наличия на площадке пережженных костей, кинжала и явные следы применения огня: яма и котел были засыпаны углистой землей. Вместе с тем в качестве жертвы в данном случае, скорее всего, выступало не животное (человек?), а напиток.

Мы уже отмечали, что отличительной особенностью котла с Малой Киргизки является наличие у него носика-слива. Котлы этого типа – явление довольно редкое. В классификации тагарских котлов Н.Л. Членовой таковых учтено всего 5 экз. (1967, с. 98–100). Они же упомянуты Н.А. Боковенко в его классификации азиатских котлов (1981, с. 46, рис. 1). Все они происходят из Минусинской котловины и только один из них привязан к конкретному комплексу (Левашева, Рыгдылон, 1952). Из этих пяти котлов четыре имеют открытый слив и лишь один – закрытый, в виде трубочки. Обнаружение одного из них в составе Шалаболинского клада предполагает его ритуальную функцию. Известна случайная находка котла со сливом на р. Балакчиюл в Горном Алтае (Потапов, 1953, с. 59).

Появились сведения об обнаружении двух котлов этого типа с зооморфным декором в одном из могильников Омской области (См.: Демиденко, 1997, с. 132).

О двух котлах с носиками из Алма-Атинской области и одном из Киргизии упоминает Е.Ю. Спасская. По крайней мере, один из них имел слив в виде трубочки (Спасская, 1956, табл. I, *23*; 1958, с. 181, 182, 188). Два небольших котелка этого типа известны в савроматских комплексах V в. до н. э. Их появление, так же как и керамической посуды с носиками, К.Ф. Смирнов связал с влиянием саков (1964, с. 11–119, рис. 66, с. 131–132, рис. 14, *70Б*). У скифов такой тип котлов неизвестен, но около рубежа эр они появляются в сарматских комплексах. В последней обобщающей сводке их учтено 10 экз. (См.: Демиденко, 1997, № 105, 106, 108, 109–111, 130–132, 136) и упоминается еще один (с. 132). Примечательно, что почти все они имеют зооморфный или даже антропо-зооморфный декор, свидетельствующий об их неординарной роли. Отметим также глиняные копии котлов со сливом, известные в тагарских комплексах (Боковенко и др., 1983, с. 75, рис. 10, *2*).

Происхождение такого типа котлов, видимо, связано с саками, для культуры которых характерно распространение керамических сосудов с носиками-сливами (Акишев К.А., Кушаев, 1963, с. 102–104, рис. 82; Вишневская, 1973, табл. XXII–XXIII; Вайнберг, 1979, с. 14–15, табл. VII; Левина, 1979, с. 184–187, рис. 9; Юсупов, 1981, с. 134–136, рис. 28, *1, 6*; Вайнберг, Юсупов, 1990, с. 38–39, рис. 16, *5*; Яблонский, 1996, с. 29–30, рис. 8, *8*; 9, *6*; Итина, Яблонский, 1997, с. 39, рис. 3, *6*, 9; 14, *28*). Помимо саков сосуды со сливами известны и у ближайших культур скифского круга – саргатской (Корякова, 1988, с. 95–96, рис. 26, *15*, *16*; Савельев, 1998, с. 46–47, рис. 13, *3*; 19, *3*; Молодин и др., 1997, с. 143, рис. 1, *45*), большереченской (Завитухина, 1968, с. 33, рис. 4, *4*; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 23, табл. L–12), староалейской (Уманский, 1995, с. 116, рис. 1, *3*, *5*; Кирюшин, Кунгуров, 1996, с. 116, рис. 3, *6*), каменской (Могильников, Уманский, 1992, с. 75, рис. 3, *11*; Могильников, 1997, с. 32, рис. 28, *3*), тагарской (Мартынов А.И., 1979, с. 60, табл. 24), в материалах Горного и предгорного Алтая (Степанова, Неверов, 1994, с. 12, рис. 4, *4*; Суразаков, 1989, с. 63, рис. 25, *2*; Шамшин, Навротский, 1990; Кубарев, 1992, с. 47–48, табл. XV, *1*; Шульга, 1997, с. 76, рис. 4, *25–27*), уюкской культуры Тувы (Кызласов, 1979, с. 58–60, рис. 44, *1*). Известны они и среди хотанских древностей (Дьяконова, Сорокин, 1960, с. 13, табл. 6, 37) и в памятниках кушанской Бактрии (Литвинский, Седов, 1984, с. 73, табл. XII, *7*). Изредка такие сосуды встречались у степных скифов (Гаврилюк, 1989, с. 57). Появление этого типа посуды на Алтае, в Южной Сибири и в Туве некоторые исследователи (А.И. Мартынов, В.Д. Кубарев, П.И. Шульга) связывают с сакским влиянием.

Связанные генетически с керамическими образцами котлы с носиками-сливами, вероятно, предназначались преимущественно для ритуальных целей. Помимо котлов, у саков известен и другой тип металлического сосуда с носиком-сливом, который, скорее всего, также предназначался для ритуальных возлияний (Копылов, 1958, с. 159, табл. III, *2*; Сенигова, 1967, с. 69; Ремпель, 1977). Металлические емкости с носиком-сливом и зоо-

морфным декором известны в этот период и в материалах Горного Алтая (Суразаков, 1982, с. 135, рис. 3, *2*).

Возможность использования котлов «скифского» типа в качестве вместилища культового напитка подтверждена данными археологии, этнографии, изобразительного искусства. При этом речь идет, скорее всего, о сброженном молочном напитке (соответствующем соме индоиранцев), значение которого в культовой практике было очень велико. Есть мнение, что в котлах могли смешивать сброженное молоко с соком или частями растений, способных вызывать эйфорию, в частности грибов. При этом обращается внимание на «грибную» символику некоторых котлов – украшение ручки одним–тремя грибовидными отростками (См.: Ермоленко, 1989). Последние, кстати, характерны и для малокиргизского котла.

Яма с котлом находилась в окружении ямок небольшого диаметра (менее 10 см) и незначительной глубины (менее 15 см). Как уже отмечалось, определенной закономерности в их расположении не прослеживается. Судя по разрезам (рис. 2), это, скорее всего, следы от вертикально вбитых деревянных кольев или древков. С одной стороны, они могли топографически ограничивать сакральное пространство, центром которого был котел, с другой – каждый из этих кольев (шестов, древков) сам по себе мог символизировать идею мирового дерева, выступавшего синонимом (аллоэлементом) мировой горы, axis mundi. Другими словами, мы сталкиваемся здесь с проявлением закона синонимии, действующего в рамках архаичных мифологических концепций.

Мировое дерево мыслилось прежде всего как опора неба и солнца и в то же время как путь, по которому осуществляются контакты между мирами, в том числе между людьми и богами. Это обусловило важнейшую роль образа мирового дерева в ритуальной практике, так как конечная цель каждого ритуала состоит именно в установлении таких контактов для обеспечения благосостояния коллектива (Переводчикова, Раевский, 1981, с. 50). В первую очередь установление вертикального символа мирового дерева характерно для обряда жертвоприношения, и данные археологии это подтверждают (См.: Переводчикова, Раевский, 1981; Балонов, 1987; Бобров, 1987; Матвеев, Матвеева, 1991, с. 34–39). Закономерным это выглядит и в комплексе на Малой Киргизке. Кроме того, вероятность установления там аналогов мировых деревьев объясняет и присутствие в этом комплексе бронзовых наверший: увенчанное навершием древко есть используемое в том или ином ритуале материальное воплощение его образа (Переводчикова, Раевский, 1981, с. 48).

Еще одним аллоэлементом мирового дерева выступает бляшка с изображением грифонов с оленьими рогами. Хищная птица и копытное животное – одни из наиболее часто встречающихся в связи с рассматриваемой символикой элементов зооморфного кода, маркирующих верхнюю и среднюю зоны мироздания (Переводчикова, Раевский, 1981, с. 46). А поскольку образ грифона в бантообразной композиции синкретичен и сочетает в себе признаки верха и низа (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 90), то в целом эта бляшка может рассматриваться как законченная космограмма.

Кроме того, наличие этой бляшки в комплексе со следами жертвоприношения выглядит закономерным еще и потому, что сам образ рогатого хищника мог быть тождествен сцене терзания (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 92), которая сама, в свою очередь, символизирует жертвоприношение. Бляшка, таким образом, могла способствовать сакрализации пространства, где происходило реальное жертвоприношение, и способствовать его результативности.

Кинжал, найденный в насыпи средневекового кургана, имеет редкую для этого типа изделий форму (изогнутость клинка), что может указывать на его неординарность. Не исключена возможность его использования при проведении жертвенного обряда. Вместе с тем принадлежность его комплексу, где многократно актуализирована идея мирового дерева, так же закономерна, так как в скифском мире акинак являлся еще одним воплощением этой концепции (Раевский, 1983, с. 53–54). При этом обращает на себя внимание следующий момент. У скифов аналогичная символика акинака нашла свое выражение прежде всего в святилищах Ареса, где, по данным Геродота, находился «древний железный меч». По мнению А.Ю. Алексеева, таким мечом должен был быть меч, имевший, так же как и малокиргизский кинжал, почковидное перекрестье, а такая форма меча могла являться результатом стремления придать ему форму, соответствующую фаллическим изображениям на скифских изваяниях (Алексеев, 1980, с. 41–43). Но фалл в различных архаических культурах воспринимался как еще один эквивалент космического столпа (Раевский, 1983, с. 53).

Взаиморасположение элементов ритуального комплекса находит очень близкие параллели в этнографии тюрко-монгольских народов, в частности в оформлении традиционного весеннего праздника – ысыаха. Ориентированный на глобальные явления: земля, небо, средний и верхний мир, солнце, восток – он, вероятно, воспроизводил акт творения Вселенной, воплощая структуру организованного космоса. Центром ритуального пространства ысыаха являлась молочная посуда, служившая вместилищем жертвенного кумыса, окруженная свежесрубленными деревцами. Как ритуальные объекты емкости в окружении деревьев, вероятно, соотносились с сакральным центром мироздания, его вертикальной осью (Октябрьская, 1990, с. 40–41). Аналогия здесь прослеживается не только в оформлении сакрального пространства, но и в его восточной (солярной) приуроченности: носик-слив котла на Малой Киргизке, очевидно, не случайно ориентирован на восток. Во время ысыаха, наряду с большим кумысным сосудом-емкостью, для питья (возлияний?) священного напитка использовались и маленькие кубки. Эта деталь, возможно, объясняет присутствие в малокиргизском комплексе миниатюрного сосуда (?).

Приведенная этнографическая параллель на фоне данных о заимствовании тюрками молочного комплекса у иранцев (Шнирельман, 1980, с. 225) выглядит вполне корректно.

К югу и в основном к западу от котла обнаружено в общей сложности 14 галек и рядом с котлом, севернее и западнее него – 2 неорнаментиро-

ванных фрагмента керамики. По всей видимости, они тоже были элементами жертвенного ритуала.

Сложно говорить об их конкретном предназначении, но их семантическая значимость документируется рядом аналогий: выкладка из булыжника и гальки со следами сильного огня и десятками обгоревших керамических сосудов выявлена в насыпи 6 Уляпского кургана (Балонов, 1987, с. 41); наброска из камней прослежена в западной части сакского жертвенного комплекса на Иссык-Куле, рядом с кострищами и в окружении керамических черепков и костей барана (Винник и др., 1977, с. 582–583). Кости жертвенных животных, керамический черепок и обломки галек – единственные находки в сарматском святилище огня в могильнике Шиханы под Оренбургом (Смирнов, Попов, 1969). Аналогичные находки характерны и для культовых сооружений позднесарматского Лебедевского могильника в Западном Казахстане (Мошкова, 1984). Связь галек и культовых сосудов прослежена и в ряде могильников Ставрополья, Кабардино-Балкарии и Прикубанья (Абрамова, Петренко, 1995, с. 39–40). Обычай класть в могилу речные гальки, выполнявших очистительную функцию, был распространен у ранних сарматов (Пшеничнюк, 1983, с. 107), известен он и у разных групп саргатского населения (Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 62; Савельев, 1998, с. 55). Небольшие необработанные куски камня или гальки, иногда со следами огня, достаточно часто встречаются и в верхнеобских погребениях V–III вв. до н. э., куда их помещали явно с культовой целью (Могильников, 1997, с. 29).

Основной идеей обряда жертвоприношения было обеспечение плодородия и благополучия социального организма. Материальным выражением идеи плодородия в рассматриваемом комплексе мог выступать керамический сосуд: в различных мифологических системах идея эквивалентности сосуда и женского образа (или женского лона) распространена достаточно широко (Балакин, 1998, с. 196–208). К тому же орнамент этого сосуда, возможно, имел солярный (знак креста) характер.

Таким образом, в устье Малой Киргизки мы имеем дело с ритуальным комплексом, в котором фиксируются следы обряда (обрядов?) жертвоприношения божествам верхнего мира. Отмеченные параллели с праздником ысыах, уходящим своими корнями в скифское время (Октябрьская, 1990, с. 44), дают основание предполагать его приуроченность к обрядам новогоднего цикла. Определенные черты близости этот комплекс имеет в материалах сакского круга и, что, возможно, несколько неожиданно – в материалах Уляпских святилищ в Прикубанье. С последними аналогии просматриваются не только во внешнем оформлении (гора или курган, увенчанные навершиями шесты или столбы), но и в сходном наборе ритуальных элементов или символов (наличие котла, меча или кинжала, образа грифона, галек, помещение алтаря (= котлу Малой Киргизки) в особую яму) (Балонов, 1987). Видимо, это надо объяснять общностью мировоззренческих идей у племен, входивших в состав скифо-сибирского культурно-исторического единства.

Возвращаясь к культурной принадлежности малокиргизского комплекса, отметим следующий момент. Памятники Томского Приобья, в которых имеются аналогии рассматриваемым материалам (прежде всего, Кижирово) принадлежат культуре со смешанным скотоводческо-охотничье-рыболовческим хозяйством, сложившейся на местной таежной основе (Плетнева Л.М., 1977, с. 68). В комплексе Малой Киргизки этот таежный пласт никак не просматривается. Наоборот, топография, оснащение этого памятника, а также возможный характер ритуалов, которые там проводились, – все это говорит в пользу южного происхождения оставившего его населения, о его принадлежности к скифо-сибирскому миру. Судя по всему, это была какая-то группа, принадлежавшая к одной из культур большереченского круга. Причины ее появления в Притомье, возможно, связаны со сложной этнической ситуацией в Верхнем Приобье, вызванной миграционными процессами, в которые были вовлечены различные культуры Алтая, Сибири и Казахстана (Абдулганеев, Владимиров, 1997, с. 60–69). Если это так, то верхнюю дату комплекса надо, очевидно, поднять до середины III в. до н. э., так как во второй его половине в Томском Приобье фиксируется активная экспансия кулайского населения (Плетнева Л.М., 1973; Чиндина, 1984, с. 161).

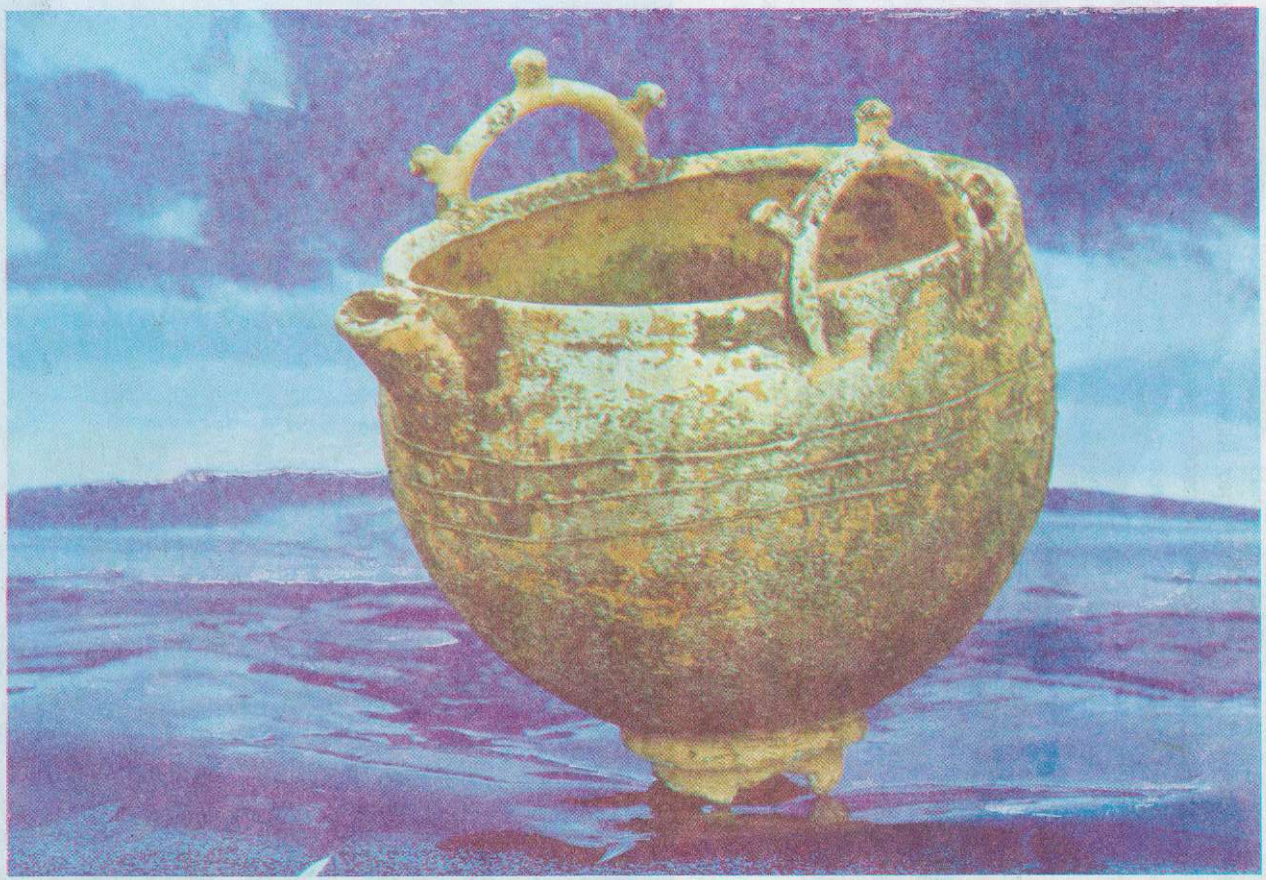

Фото 1. Бронзовый котел из ритуального комплекса в устье Малой Киргизки. *Фото А.В.Морозова*

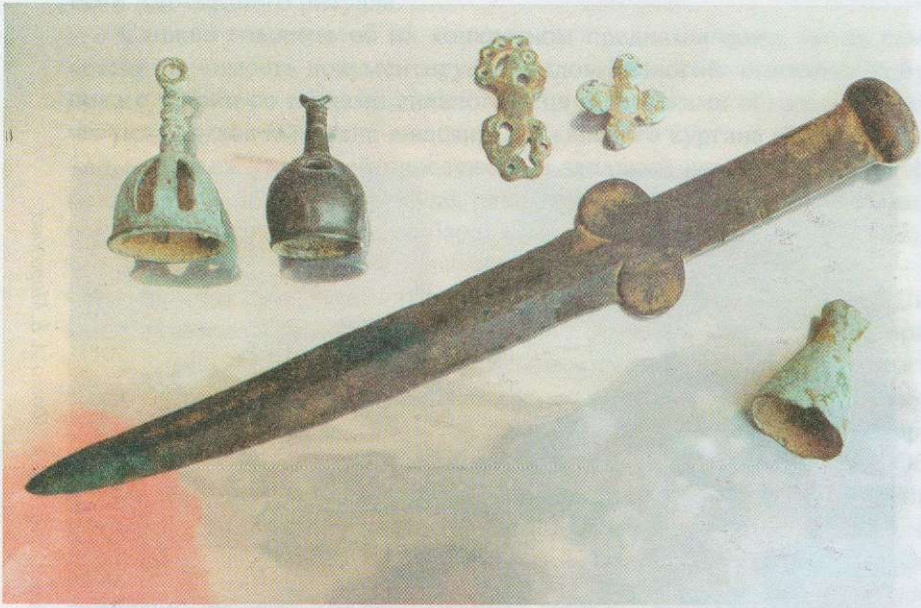

Фото 2. Бронзовые предметы из ритуального комплекса в устье Малой Киргизки.
Фото А.В.Морозова